

Вопрос о продлении договора о разграничении полномочий между федеральным центром и Республикой Татарстан вызвал на завершившемся недавно Всемирном конгрессе татар немало дискуссий. Помимо привычных сетований на уменьшение числа татар, говорящих родном языке, и о нехватке учителей, преподающих на татарском языке, поднимался вопрос о роли образовательной системы Татарстана в целом в формировании этнокультурной самоидентификации татарского народа. Проблема, которая, несомненно, беспокоит татарскую общественность – сохранение родного языка и национального образования, которое по оценке многих участников переживает кризисные времена.

Татарстан – единственный субъект Российской Федерации, имевший подобного рода договор о разграничении полномочий. В определенном смысле договорные отношения Татарстана и федерального центра являлись выражением (к сожалению, в большей мере символическим, чем содержательным) федеративного устройства России с присущим этой системе политическим и культурным многообразием. Татарстан долгое время стремился выступать как территория, на которой формируется уникальная общественная модель, характеризующаяся сбалансированным отношением к национальному вопросу и потребностям этнокультурных и религиозных меньшинств. Есть опасения, что отказ от продления договора может являться симптомом тектонических изменений в национальной и культурной политике России, ставящей под угрозу реализацию конституционных прав меньшинств. Что без сомнения затронет общество Татарстана.

Огромный вклад в формирование татарской нации и ее культуры внес ислам, для многих татар до сих пор быть татариним и быть мусульманином – практически равнозначные идеи. Если в большинстве регионов России мусульманское сообщество считается меньшинством, то в Татарстане мы видим паритет представителей ислама и православия.

Татарстан являет собой пример своеобразного культурного заповедника, в котором сохраняются разнообразные культурные и образовательные практики, обеспечивающие реализацию

потребностей этнических и религиозных меньшинств. Это также часть вклада Татарстана в общенациональную культуру, который следует изучать и развивать. Об этом мы поговорили с доцентом кафедры психологии личности КФУ, кандидатом психологических наук **Камилем Насибулловым**, проводящим исследования в вопросах обучения мусульман.

– Насколько остро стоит вопрос обучения мусульман в так называемой светской системе образования?

– На протяжении многих лет я занимаюсь изучением исламского образования в Татарстане. Прежде меня занимали вопросы организации профессионального образования мусульман в медресе и университетах – это довольно интересная сфера, переживающая сейчас этап становления и формирующая свою уникальную модель. В качестве эксперта я принимал участие в разработке общероссийских образовательных стандартов мусульманского образования. Также проводил исследования воскресных курсов для мусульман по изучению религии, которых сейчас в Татарстане более тысячи.

Однако очевидно, что мусульмане обучаются не только в этих образовательных организациях – они, как все, посещают общеобразовательные школы, учатся в вузах по светским специальностям. Интересно, что, когда мы говорим об обучении мусульман в так называемой светской системе образования, сталкиваемся не только с привычными для традиционной педагогики вопросами обучения. Пространство школы воспринимается людьми как очень значимая часть общественного пространства, люди понимают, что школа и вуз оказывают огромное влияние на формирование личности гражданина. Поэтому так остро воспринимаются вопросы удовлетворения религиозных потребностей верующих в образовательном процессе. Здесь происходит столкновение интересов и представлений об обучении так сказать «светского» и «религиозного» сообществ.

– Но ведь подобное столкновение интересов присуще не только российскому обществу...

– Да, вы правы, проблема столкновения интересов светской части общества и мусульманской – не только российская, а общемировая. И часто общественное пространство является тем местом, где эти столкновения выражаются наиболее явно. Например, мы регулярно слышим, что где-то в Европе запретили ношение хиджабов, строительство мечетей или даже проведение молений. Особенно жестко по отношению к мусульманам проявляет себя Франция – в стране ориентация на внедрение французской культуры, языка, интересы меньшинств ограничиваются. Не так давно власти французского города Канны *запретили* ношение на пляжах «буркини» – купального *костюма* для *мусульманок*, полностью закрывающем тело и отвечающем нормам ислама. Таким образом, даже пляж стал рассматриваться как часть общественного пространства, по поводу которого возникает дискуссия: имеют ли право мусульмане одеваться согласно канонам ислама и традициям своих народов, или должны соответствовать сложившейся европейской культурной норме.

Но, тем не менее, Европа в целом довольно либеральна, и у многих европейских стран есть чему поучиться. С другой стороны, существуют куда более жесткие примеры дискриминации. Недавно в Китае правительством были внесены поправки в уголовное законодательство, согласно которым к преступлению относят ношение так называемой «экстремистской одежды» – хиджаба. То есть любой, кто будет носить подобную одежду, будет заключен в тюрьму либо задержан и помещен под наблюдение.

В России подобное противостояние тоже имеет место. Вспомним ситуацию, произошедшую на наших глазах в Мордовии. В декабре 2016 года в школе села Белозерье (90 процентов жителей которого – татары, большинство из которых – соблюдающие мусульмане) якобы для профилактики экстремизма перед чемпионатом мира по футболу запретили носить хиджабы.

Ситуация дошла до судебного разбирательства. Кстати, по вопросу о ношении хиджабов в школах высказался Верховный суд России еще в 2013 году. Тогда ВС поддержал решение

Ставропольского краевого суда, запретившего школьницам-мусульманкам ходить в платках.

В обоих случаях в СМИ возникала острая полемика: одни СМИ поддерживали местных мусульман, другие – решение регионального правительства. Но диалога так и не произошло, конфликт был замят, а противостояние сохранилось. По ситуации в Мордовии высказались министр образования Васильева и глава Чечни Кадыров, которые выразили, скажем так, довольно отличающиеся оценки произошедшего.

Как я уже говорил, Татарстан в определенном смысле стоит особняком, отношение к проблемам мусульман здесь более чуткое.

Например, в Татарстане было предложено и сейчас введено в некоторых школах (по решению самих школ) халяльное питание – мусульмане получили возможность питаться, как этого требует религия. Но это решение вызвало у части нашего общества отторжение, стали говорить, мол, татары заставляют русских питаться своей кошерной едой.

– Я услышала критику в адрес братьев по цеху – журналистов. Получается, что они ответственны за раздувание общественного конфликта?

– Я бы не стал устраивать охоту на ведьм в поиске виноватых. Нужно понимать, что каждая из сторон – и «светская» и «религиозная» – имеют свое видение ситуации, и каждая по-своему права. Журналисты так или иначе выражают это общественное беспокойство, сами также являясь представителями нашего общества. Хотелось бы, конечно, чтобы журналистика способствовала открытому общественному диалогу по этой теме и сближению точек зрения. Нередко же СМИ транслируют скорее поток взаимных обвинений, чем организуют конструктивную общественную дискуссию. Тем не менее, важно об этих проблемах говорить, но не менее важно – выбирать правильный язык, ставить корректные вопросы, никого при этом не обижая. Потому как может получиться, что рьяно отстаивая интересы одной

стороны, ты задеваешь интересы другой.

В этом плане журналисты правы, что озвучивают проблему. К сожалению, в научной литературе в России эти вопросы не находят достойного отражения. Социальные конфликты на религиозной почве в общеобразовательной школе практически не изучаются, и современная российская педагогика не вполне себе представляет, как справляться с этими проблемами. В академических журналах по педагогике и педагогической психологии практически нет материалов на эту тематику, результатов исследований, методических разработок. И здесь мы значительно отстаем от наших западных коллег: в Великобритании, США, Канаде образованию меньшинств посвящены несколько научных журналов, на страницах которых идет активная дискуссия среди экспертов. Многие образовательные инициативы, касающиеся этого вопроса, проходят тщательную научную экспертизу. В России научная общественность как будто делает хорошую мину при плохой игре, такая страусиная политика. Не надо делать вид, что у нас все хорошо – надо озвучивать проблемы расизма, дискриминации, прав меньшинств, ученым надо изучать и показывать, как можно с этими вопросами справляться. Собственно в этом я вижу цель своих исследований.

– И вы решили «вытащить голову из песка» и заняться исследованиями этих проблем?

– У меня была идея найти место, где мусульмане в школе чувствовали бы себя максимально комфортно в рамках сложившейся российской образовательной системы, которая с советских времен довольно нетерпима по отношению к проявлениям религиозности. В результате при содействии Духовного управления мусульман Татарстана (отдельное спасибо за это зам. муфтия РТ Рафику Мухаметшину) мне удалось организовать и провести исследование уникальной частной школы в Казани, которую многие называют мусульманской из-за того, что в ней обучаются только дети практикующих мусульман.

– О том, что в Казани действуют две православные гимназии, –

факт, известный многим. Но об исламской школе даже мне, журналисту, слышать не доводилось.

– Речь идет об общеобразовательной школе «Усмания». Это единственная в своем роде школа не только в Татарстане, но даже в России. В этой школе полностью выполняются требования российского образовательного стандарта, то есть она аккредитована государством. При этом созданы очень благоприятные условия для того, чтобы мусульмане реализовывали свои религиозные потребности. Здесь, например, дети имеют возможность ходить на намаз в мечеть, расположенную по соседству, организовано халяльное питание, проводятся мусульманские праздники и т.д.

У школы очень интересная история. Созданная на волне религиозного ренессанса в 1994 году практически на голом энтузиазме, она первоначально не имела своего здания: обучение шло в обычной городской квартире. Сейчас здание школы (очень небольшое, кстати) находится на окраине Казани – в поселке Северный, на улице, названной в честь выдающегося мусульманского богослова Мусы Бигиева. В школе обучаются дети и подростки с первого по одиннадцатый класс – всего не более 130 человек. Школа долгое время не получала поддержки ни со стороны власти, ни со стороны духовного управления мусульман. Лишь в последние год-два на «Усманию» обратили внимание и начали оказывать ощутимую поддержку со стороны централизованной религиозной организации.

Хотя в целом, можно сказать, что опыт этой школы до сих пор остается не востребованным в России. В школу не раз приезжали журналисты из Японии, Франции – изучали, опрашивали, снимали сюжеты для ТВ. Несколько раз опыт школы «Усмания» пытались повторить в других российских регионах, но по каким-то причинам не сложилось.

Наши отечественные педагоги-исследователи, к сожалению, почему

то не заинтересовались этой школой. А ведь «Усмания» – это, повторюсь, уникальный пример, демонстрирующий, как, оставаясь в рамках образовательных требований государства, создать благоприятные условия для мусульман. Изучая школу, я задавал себе вопрос: какие педагогические идеи, методики из более чем 20-летнего опыта школы мы можем использовать в современных российских реалиях?

– Расскажите, пожалуйста, каким образом проводилось само исследование? Какие результаты удалось получить?

– Есть такой тип научного исследования, который называется «**case study**» – изучение единичного уникального случая. Ты исследуешь единичный пример, но пытаешься найти черты, которые характеризуют более широкую систему или контекст. Обсуждая с мусульманами образование в школе «Усмания», я пытался понять, как сообщество мусульман осознает свои потребности, чего хотят от общеобразовательной школы, что такое, на их взгляд, «хорошая школа для мусульман».

Основным методом исследования было полуструктурированное интервью. Причем я разговаривал как с педагогами и руководителями внутри школы, так и с другими мусульманами Казани, которые имеют, так сказать, большой неформальный вес среди мусульман.

Если обозначить картину в целом, выяснилось, что по определенным позициям среди мусульман наблюдается четкий консенсус. В первую очередь – это вопрос о ношении платков: запрет на их ношение в школе ни один мусульманин не считал приемлемым. Это воспринимается как нарушение личных прав. Также едины опрашиваемые в вопросах обеспечения возможностей для учащихся и педагогов халяльного питания в школе, чтения пятикратного намаза и наличия пространства, где бы дети могли бы его совершать.

Многие высказывали мысль, что очень важна атмосфера в школе, которая соответствует мусульманским канонам. Часто отмечали

факт, что в большей части образовательных школ слабо выражено воспитательное начало, например, ученики сквернословят, обсуждают вопросы секса и отношений полов в очень раннем на взгляд опрошенных возрасте, а учителя ничего не предпринимают для того, чтобы пресечь такое поведение.

Однако мной было выявлено, что среди мусульман существуют дискуссии и определенные разногласия. Даже звучала критика сложившейся в «Усмании» системы обучения. Так, некоторые полагали, что специализированные школы не нужны – вполне достаточно, чтобы обычные государственные школы были в большей степени адаптированы для мусульман, главное же – качество образования как хорошая стартовая возможность для ребенка. Другие же, напротив, считали, что пример «Усмании» успешный и его нужно тиражировать. Обсуждались различные требования к такой школе, например, наличие религиозного образования у учителей помимо обязательного педагогического.

Например, обсуждались вопросы адаптации содержания учебной программы к восприятию в свете вероубеждения мусульман. Действительно, я полагаю, порой образовательные цели в школе не достигаются, так как ученик воспринимает материал иначе, чем того ожидает учитель.

Яркий пример – образ Анны Карениной в романе Льва Толстого. Если в общепринятом значении это романтический образ, образ трагичной любви замужней женщины. В то же время, если рассмотреть эту историю с точки зрения мусульманских канонів, то главная героиня может восприниматься как порочная, падшая женщина, разрушающая собственную семью. И если родитель смотрит на произведение с позиций религиозной ортодоксии, он начинает думать, что школа учит его ребенка плохому. И современный педагог, который по программе должен это произведение пройти, в случае, если в его классе есть дети-мусульмане, должен уметь дать правильный комментарий. Важно, чтобы ребенок все таки увидел прежде всего великое произведение мировой литературы.

Это только один пример, на самом деле их намного больше. Я полагаю, было бы здорово, если бы существовала определенная методическая литература для учителя, который обучает детей-мусульман в рамках образовательного стандарта. Учитель не должен быть оставлен один на один с этой ситуацией, у него должны быть рекомендации, как отвечать на вопросы детей в случае, если имеется расхождение научной точки зрения и религиозной.

Интересно, что многие опрашиваемые подчеркнули, что важно давать и светскую, и религиозную картину миру. Причем, несмотря на то, что это были соблюдающие мусульмане, они говорили, что светская часть должна преподаваться в полном объеме, так как это общая мировоззренческая платформа для адаптации в обществе. Ученик должен размышлять, сравнивая религиозную и научную позиции, делать самостоятельные выводы.

Это я сейчас формулирую обобщенно, но надеюсь, что в целом верно передаю мнение респондентов.

– Какие еще интересные особенности вы бы отметили?

– Любопытно, что школа отличается также высоким уровнем межкультурной толерантности. В школе около 45% составляют дети выходцев из Средней Азии, Кавказа и Турции. Не думаю, что хоть в одной казанской школе есть такое соотношение. Учитывая, что обучение в школе платное, а у некоторых родителей по несколько детей, которых они приводят в школу, можно говорить об очень благоприятном психологическом климате. Как мне говорили, некоторые родители приехали из других регионов, так как лишь в Казани существует подобная школа. Родители готовы отдать своего ребенка в образовательное учреждение, где он, будучи мусульманином, не будет чувствовать какого-то давления из-за своего вероубеждения.

– То есть перед нами готовая модель школы для мусульман?

– Не совсем так. Дискуссия внутри мусульманского сообщества свидетельствует о том, что невозможно создать единственную

модель школы, адаптированную для всех мусульман. На мой взгляд, необходимо разрабатывать разные модели, с учетом уровня исламизации в данном районе города или села, этнического состава, местных традиций. Причем не менее важным является и учет позиций светской части общества, как я уже говорил, выбранная модель школы должна смягчать противостояние и гармонизировать общественные отношения. В этом смысле мое исследование еще не закончено: я планирую также рассмотреть восприятие таких изменений пространства школы со стороны светски ориентированных педагогов и родителей, школьных администраторов, узнать, как они видят эту ситуацию.

– А стоит ли использовать как пример для подражания опыт этой школы в других регионах?

– В контексте актуальной татарстанской повестки пример школы «Усмания» показателен. С одной стороны, он вписывается в единую сетку государства и выполняет требования образовательного стандарта, а с другой стороны, школа формирует особое адаптированное пространство для мусульман.

Чем больше я размышлению об этой школе, тем больше осознаю, какое сильное внешнее давление ей приходится преодолевать день за днем. Эта школа, которая фактически выживает десятки лет без нормальной материальной базы, без внешней поддержки на окраине мегаполиса, представляется мне таким прекрасным цветком, выросшим на окраине дороги, пробиваясь сквозь асфальт.

– Очень романтическая метафора... А какие выводы вы, ученый, можете сделать, опираясь на свои исследования?

– По сути, судьба школы отражает как в капле воды изменения, происходившие в обществе и российской системе образования. Появившись в 90-е, она строилась как образцовая национальная (татарская) школа для мусульман. Обучение велось на татарском языке, законодательство позволяло включать изучение

религиозных предметов прямо в учебный план. Например, вместо предмета «Музыка» мог изучаться Коран. Затем общество постепенно менялось, менялись законодательные требования, школа в меру своих ограниченных ресурсов приспособлялась к ним. И сейчас я бы охарактеризовал модель школы как мультикультурная частная школа, адаптированная для религиозных потребностей мусульман.

Безусловно, я как ученый рассматриваю изучаемые мной явления через призму научных понятий. И я использовал идеи выдающегося французского социального мыслителя Мишеля Фуко, который говорил о феномене **гетеротопии**. Согласно Фуко, это определенный вид периферийного, в чем-то маргинального пространства, в котором ослабляется влияние норм, разделяемых большинством. Большинство в любом обществе стремится унифицировать нормы под себя, ввести единый язык, культуру, правила поведения.

И такое единообразие приводит к тому, что права меньшинств замалчиваются или принижаются, уменьшается возможность самовыражения, и такое культурное многоголосие в обществе снижается. С другой стороны, гетеротопия позволяет в большей мере реализовывать образ жизни людей, которые считаются в обществе меньшинствами, в этих рамках можно утверждать, так сказать, свою альтернативную идентичность.

Таким образом, гетеротопия – это смешанное, гибридное общественное пространство, в котором переплетаются нормы, где соблюдается гибкий баланс между изоляцией и ассимиляцией с глобальным сообществом. С точки зрения этого понятия школа «Усмания» является гетеротопией, в которой мусульманское меньшинство может более-менее полноценно реализовывать свой образ жизни.

Если говорить в контексте продолжающейся дискуссии о продлении договора между Татарстаном и федеральным центром, то и татарская национальная школа, да и что там, и сам Татарстан, как территория являет собой пример такой гетеротопии. Причем Татарстан в России выполняет функцию, я бы сказал, образцовой гетеротопии, которая показывает другим схожим регионам, прежде всего национальным республикам, как выстраивать отношения с федеральным центром, а в культурном аспекте – с русским большинством, русской культурой и языком, с православным большинством.

Не хотелось бы думать, что это стремление к единообразию превратится в унификацию и стандартизацию всего и вся, когда единая культура будет рассматриваться как одна культура понятно какого народа, а единая история будет транслировать видение какой-то одной группы историков.

В последнее время складывается впечатление, что давление на гетеротопии только увеличивается. В связи с этим я с опаской отношусь к высказываниям нашего министра образования и науки, когда она так часто говорит о создании единого образовательного пространства. Не хотелось бы думать, что это стремление к единообразию превратится в унификацию и стандартизацию всего и вся, когда единая культура будет рассматриваться как одна культура понятно какого народа, а единая история будет транслировать видение какой-то одной группы историков. Я согласен, что надо объединять страну, но не надо приводить все к какому-то культурному единообразию. В этом случае меньшинствам придется уходить не просто в гетеротопии, а в культурные гетто...

– Какой вам видится в нынешней сложной политической ситуации роль Казанского университета?

– Казанский университет может сыграть важную роль в отстаивании позиции Татарстана, стать своеобразным научно-

образовательным адвокатом интересов культурных меньшинств.

Благодаря своему академическому потенциалу КФУ может выступить научным экспертным центром при оценке тех или иных образовательных реформ с точки зрения ущемления прав разнообразных культурных меньшинств. Также здесь могли бы быть осознаны и реализованы социальные технологии, направленные на поиск компромиссных решений общественных противоречий. Научные исследования могли бы стать фундаментом законодательных инициатив, разрабатываемых в Татарстане. Наличие обоснованного научного прогноза должно быть весомым подспорьем при принятии законов – законодательные решения будут опираться не на мнение ограниченной группы людей, а на масштабные исследования ученых.